

Загадка о том, что моя душа пришла сюда из другого мира, Марко, разумеется, даже в голову прийти не могла. Да и я не хотел, чтобы всё разрасталось.

Первым делом я взялся за волосы, которые мягко колыхались у талии, и без колебаний их обрезал. При каждом движении они ужасно мешали, тянули кожу головы и вызывали головную боль, так что я просто сгрёб их в руку и начал резать как попало. Марко тут же взвизгнул и бросился ко мне с криком, что сам всё сделает.

И надо сказать, у него оказался настоящий талант. Причёска, которая раньше напоминала ровное каре, как у персонажа из старой манги, стала выглядеть куда аккуратнее и даже вполне симпатично.

Правда, при этом Марко всё время кланялся и твердил, что для него великая честь вообще прикоснуться к моей голове.

Следующим делом стали плотные шторы, которые делали комнату тёмной, как глубокой ночью, даже среди бела дня. Марко пытался меня остановить, уверяя, что я испачкаю руки пылью, но длинные и тяжёлые полотнища оказались неподъёмными даже для нас двоих.

— Его Высочество не любил солнечный свет, говорил, что он портит кожу, — добавил Марко с таким видом, будто вот-вот расплачется над несчастным принцем, потерявшим память.

Не похоже было, что их отношения когда-либо были особенно хорошими, так что такая слепая преданность казалась мне странной.

Когда мы убрали шторы со всех четырёх окон, силы окончательно покинули меня, и я долго сидел, опустившись на пол.

Вытирая пот со лба, я посмотрел на свою бледную руку, сквозь которую отчётливо проступали синие вены, и цокнул языком.

Тело, в котором не было ни капли силы, выглядело слишком жалким для принца целого королевства.

Я спросил, не было ли у меня врождённой болезни, но Марко впервые за всё это время тихо улыбнулся.

— Это не болезнь. Просто вы очень мало ели. Вы настаивали на растительной пище и ели всего один раз в день.

Ну конечно.

Вот почему не было сил и волосы были сухими и безжизненными. Я не смог скрыть удивления.

— Ты в своём уме? Человеку ведь нужны калории и питательные вещества, чтобы жить.

Марко наклонил голову набок. В этот момент он выглядел как обычный мальчишка своего возраста — и это было даже мило.

— Я не знаю ни про калории, ни про питательные вещества... Вы просто говорили, что не любите чувство сытости...

Да уж. Каких только сумасшедших не бывает.

«Не люблю чувство сытости» — это вообще что? Даже модели, бесконечно снимающиеся в диетических видео, едят хотя бы три раза в день. У меня просто не нашлось слов.

— Вы говорили, что если на животе появится жир, то детей не будет. А если нарастут мышцы, популярность пропадёт...

Губы у меня задрожали.

Этот принц издевался не только над Марко, но и над самим собой. Я прекрасно знал, что ожирение может приводить к бесплодию, но допустить, чтобы это тело умерло от истощения ещё до того, как герой романа расправится с злодеем, я не мог.

Я ведь смеялся над младшей сестрой, Чон Чжэ Ён, когда она буквально «облизывала» иллюстрации и говорил, что жалко привязываться к тем, кто даже не может выйти за пределы экрана.

А теперь, возможно, именно у такого персонажа мне придётся вымалывать себе жизнь.

С тех пор как я оказался здесь, мне часто снился один и тот же сон:

Карл Линдберг, корчащийся под клинком наследного принца Адриана Хенекена.

Я поднялся с постели, сделал несколько растяжек и посмотрел на своё отражение в зеркале.

Типичное лицо западного айдола: светлые волосы, голубые глаза, внешность, словно сошедшая с верхних строчек хит-парадов девяностых. Красивый, спору нет. Но из-за худобы и всё ещё упрямо сведённых бровей впечатление он производил не самое приятное.

Я поднял руку и коснулся шеи.

Юноша в зеркале с мрачным взглядом гладил собственное горло. Там, где прошли пальцы, пробежала острая искра, словно статическое электричество.

Теперь я — Карл Линдберг. И Карл Линдберг — это я.

Чон У Ён, который, оберегая младшую сестру с большой разницей в возрасте, отказался от любви и брака и жил, сцепив зубы, — действительно умер.

— Ваше Высочество? У вас болит голова? Может, всё-таки позвать лекаря?

— Нет... есть кое-что, о чём мне нужно подумать.

— Не пытайтесь силой вернуть воспоминания. Со временем они могут вернуться сами.

На искреннюю, полную сочувствия заботу Марко я лишь слабо улыбнулся.

Воспоминания Карла Линдберга могут и не возвращаться. Мне нужно вспомнить другое.

Когда, как и почему умирает Карл Линдберг.

— А какой человек этот Адриан Хенекен?

— Я знаю о нём только по слухам, но говорят, он альфа высшей доминантности. Вы хоть всё и забыли, но его имя помнили всегда — настолько были им увлечены.

Альфа? Главарь хищников, что ли?

От этого приторного титула главного героя меня только передёрнуло.

— Есть шанс, что я снова с ним встречу?

Лучше бы, конечно, прожить новую жизнь мирно и вообще с ним не пересекаться. Я задал вопрос с надеждой, но Марко её безжалостно растоптал.

— Я слышал, что Хенекен и Линдберг — неразрывно связанные государства. Говорят, скоро будут обсуждать династический брак. Так что, думаю, вы его увидите.

— Брак? Наследный принц всё ещё не женат?

Марко кивнул.

Похоже, главная героиня ещё не появилась.

Вот тогда-то мне и стоило расспросить подробнее.

— Ваше Высочество, я принёс обед.

Вкатывая в комнату тележку, Марко прищурился: солнечный свет отражался от волос Карла, который лежал на полу и сосредоточенно смотрел в бумаги.

В свободной рубашке с распахнутым воротом и мешковатых штанах Карл вдруг принял странную позу — опёрся на локти и поднялся на носки.

Он назвал это упражнение тем же словом, что и повар.

«Ф... франк, кажется», — смутно припомнил Марко.

Он тихо подкатил тележку к столу и расставил блюда. Пусть он и не знал, что означает эта поза, но раз Карл так усердно тренировался, вреда в этом быть не должно.

Поначалу Марко, глядя на это мучение, пытался его остановить, но Карл даже не шелохнулся, и в конце концов он сдался.

С глухим стоном Карл упорно держался, пока лицо не стало пунцовым, и лишь потом, задыхаясь, растянулся на полу.

— Ха-а... ха-а... Ты уже принёс?

— Да. Сегодня вы продержались примерно на десять секунд дольше, чем вчера.

— Правда? Заметно расту. Всё-таки молодость — это здорово.

Марко смотрел на довольного принца с покрасневшими щеками, и вдруг в груди у него защекотало. Он отвернулся и пробормотал:

— Пожалуйста, поешьте.

Карл, который теперь на каждом приёме пищи ел и мясо, и овощи, заметно округлился.

Хотя «округлился» — не совсем точное слово: он всё ещё был стройным, скорее стал крепче. В

любом случае, выглядел куда лучше.

— Сегодняшний вечерний приём вы обязаны посетить, — сказал Марко.

Карл, разрывая перепёлку в сладком фирменном соусе, перекошил лицо.

«Похоже, ему и правда очень не хочется», — подумал Марко.

Раньше принц начинал готовиться к приёмам с самого утра, но новая перемена в нём хоть и смущала, но не вызвала отторжения.

— Когда в стране такой бардак, какие ещё, к чёрту, приёмы.

— Но Линдберг всегда был таким...

— В этом и проблема, Марко. Если считать это проблемой — это проблема. А если нет, то остаётся только ждать, пока страна окончательно развалится.

От слов, звучавших будто заклинание, Марко растерянно наклонил голову, а Карл постучал себя кулаком по груди.

— Ты считаешь нормальным, что больше половины населения — арендаторы? А эти налоги? Такое чувство, будто в рамках закона вообще ничего нельзя делать. С такой смертностью при такой рождаемости страна вымрет, понимаешь?

Принц повысил голос, не доев.

— Посмотри на уровень преступности в столице и на границах. И ведь всё — кражи, карманники. Бедняки обворовывают друг друга — вот что самое печальное. Да уж лучше бы объединились и пошли грабить жирные склады знати.

Марко, который до попадания во дворец и сам был известным в округе мелким воришкой, сначала вздрогнул, а потом ужаснулся.

Грабить склады знати — такие слова не пристало говорить принцу.

Ведь Карл всегда твердил о «голубой крови».

— Э?.. Да их же всех перебьют. Кто станет рисковать жизнью ради такого?

Карл раньше, словно заклинание, повторял, что знать и простолюдины в Линдберге — будто разные виды.

Не нынешний Карл, конечно, но всё же.

— Вот с этого и надо начинать. Кто дал им право на самосуд? Если страна в таком состоянии — это вина знати и королевской семьи. И кто их за это судит? Чёрт, я же принц, почему я ничего не могу сделать?!

Он с силой ударил по столу, а потом зашипел, обдувая ушибленный кулак.

— А знаешь, что бесит больше всего? Вся эта информация — из внешних источников. Люди десятками умирают от голода каждый день, а что делает сам Линдберг? Все заняты только тем, как бы повеселее пожить. Знаешь, что такое образцовый развал государства? Это когда

первыми гниют чиновники.

Разгорячённый Карл залпом выпил холодную воду и с яростью принялся за еду, будто сражаясь с врагом. Марко тихо поднялся.

— Пока вы обедаете, я выведу Элизабет на прогулку.

Услышав слово «прогулка», Элизабет радостно подпрыгнула. Карл с завистью посмотрел на неё, но всё же кивнул.

Идя по унылому саду, где не было видно даже муравьишки, Марко поднял взгляд к небу.

Карл, который раньше был элегантен и безупречен во всём, пусть и с редкими приступами истерики, теперь всё больше превращался в обычного молодого человека — такого, что говорит о борьбе с коррупцией и о том, что физическая сила равна силе государства.

Нынешний Карл странным образом напоминал Марко главаря уличной шайки из тех времён, когда он сам бродил по улицам.

Немного развязный, чуть вспыльчивый, хорошо заботящийся о младших — но с такой ненавистью к знати, что в итоге действительно пошёл на неё войной и бесследно исчез.

— Киии? — Элизабет дёрнула поводок, словно приказывая прекратить такие крамольные мысли.

На самом деле Марко это не раздражало. Просто было непривычно видеть принца, который не пускает в ход кнут и не швыряется вещами.

К тому же отношения с принцессой Леей заметно потеплели.

<http://bllate.org/book/13881/1245967>